

Рос. муз. газета. - 1991. - №9(33) - С. 8.

ОН БЫЛ БЕЛЫМ АНГЕЛОМ БИТЛЗ

ДЖОН, ЙОКО, ЛИНДА И Я

Интервью с Полом Маккартни

КОРР. Говорят, что первые годы после распада БИТЛЗ были для Вас очень тяжелыми. Сначала Вы находились в полном одиночестве, затем, в 1971-м, вели переговоры с остальными музыкантами БИТЛЗ. Ну, и в завершение Джон Леннон стал просто зверствовать по отношению к Вам. Но Вы почти ничем не ответили на его выступления?

П. М. Да, я все оставил без ответа — в глубине души я понимал, что люблю Джона. Что все те годы, которые мы провели вместе, сочиняя песни, были совершенно особенными годами в нашей жизни. Ничто и никогда не смогло бы изменить того, что было. Выходки Джона были всего-навсего болтовней. Он громко кричал, он расплывался, но это смахивало на ситуацию, когда кто-нибудь просто много выпьет: это не имело смысла, это только слова. И я подумал: «Если я начну отвечать, то начнется настоящая схватка, и, более того, он, вероятно, в ней полностью победит»; — так как Джон хорошо владел словом и побить его в словесных баталиях было очень тяжело. Короче, я не стал отвечать. И в данный момент я очень доволен тем, что так поступил, так как это позволило не только избежать обострения дела, но даже помириться. На самом деле, Джон был великолепным парнем, но он много кричал.

Смерть Джона сильно потрясла меня. Я разговаривал с Йоко. Это не всегда было легко, потому что у нас с ней было мало общего, но тогда мы все-таки нашли общий язык. Она мне сказала две или три фразы, которые меня успокоили. Вот ее слова: «Послушай, Пол, в один из дней — а это было за месяц или за два до смерти Джона — мы слушали один из твоих альбомов. И несмотря на то, что Джон так обшелся с тобой, и на то, что он высказывал публично, — именно он обратил мое внимание на лучшие стороны твоей работы, а затем мы вместе расплакались». Вот что меня тогда окончательно успокоило.

— Джон публично оскорблял Вас, и тем не менее публика обожала его. Его любили по-разному, сильно и не очень, но даже сейчас, когда он мертв, эта любовь остается прежней. Джон превзошел Вас.

— Это правда. И это так и есть на самом деле. Как раз после смерти Джона я представил себе, как об этом подумают многие люди: «Все кончено. Он был единственным настоящим битлом». Да и на самом деле, Джон — самый знаменитый из БИТЛЗ, хотя бы потому, что его убили... ну и, конечно же, потому что он был необыкновенным человеком. Но часть публики заговорила сейчас по-другому: «Спокойно, спокойно, у Джона была своя манера, но у Пола она тоже есть». Я знаю, каков мой вклад в БИТЛЗ. Я знаю, что я дал Леннону и что я дал самому себе. Быть может, об этом никогда и не узнают, но это не так уж и важно. Я доволен тем, что я сделал. Вот любопытная деталь: наверное, еще в середине карьеры БИТЛЗ Джон признался мне: он озабочен тем, что будут говорить о нем после его смерти. И я вспоминаю свой ответ: «Но, Джон, тебя уже не будет. Для чего все это?»

В эпоху БИТЛЗ нас считали равными. Все, о чем сейчас говорят, появилось позже, когда Джон и Йоко начали превращаться в... Послушайте, ведь это очень просто: если вы готовы к тому, чтобы предстать на обложке альбома абсолютно голыми — я вам гарантирую, вы вызовете

сенсацию. Но я, я не склонен этого делать. Меня очень легко подавить, но очень хорошо знаю, что нужно делать, великолепно знаю, как играть упрямым, нужно показать себя жедным, постоянно повторять, что все ерунда, кроме рок-н-ролла, быть самым «тяжелым» в мире, постоянно одеваясь в черное, иметь образ немного верующего повесы, играть с оркестром, чтобы быть более ярким, как это например, делает Evil (*сердится*). Просто это не тот образ жизни, который желал бы вести.

Я знал людей, которые культивировали такой образ жизни, я сам прошел через все это, пока меня не затосило. Мне это не нравилось. Это угнетало меня. И нужно быть сильным, очень сильным, чтобы народно защищать нормальные ценности музыкальном мире. Чтобы сказать: да мне нравится любить, и я люблю детей. Что? Говорить, что любишь детей, когда сам принадлежишь к рок-н-рольной мафии? Да, старина... Я знаю, что одним из самых любимых занятий Джона было воспитывать своего сына. Быть просто-напросто отцом. Но Джон никогда не показывал этого на публике. Вот и вся разница. Видите: я глухой, и я об этом рассказываю

— Говорят, что Вы консерватор...

— На самом деле, мне так не кажется. Я довольно-таки сумасшедший тип. Невозможно составить картину БИТЛЗ, если ты немного не тронутый. А я и есть такой. Можете мне поверить.

— Среди поколения 60-х было много жертв. Многие, подорвавшись на наркотиках и потеряв разум в те времена, сегодня уже больше не вернутся к нам. Проходилось ли и Вам стоять на краю пропасти?

— Да, когда я написал «Let it be». Перед тем у меня была длительная депрессия, полагаю, отчасти из-за наркотиков. Сейчас я сам многого не помню из той крайне сумасшедшей эпохи, когда вещи для меня не имели большого смысла, я проводил свое время в ночных кафе, бегая за девочками, и... и во всем этом не было никакого глубокого смысла. За этим брожением ничего не скрывалось.

Однажды вечером — я это хорошо помню — я лег спать и почувствовал себя действительно очень плохо. И тогда я увидел во сне свою мать, которая умерла много лет назад, и она сказала мне: «Не беспокойся, это пусто, это пройдет». Некоторое время спустя после этого видения я и написал «Let it be». Тот сон мне здорово помог — а ведь я был действительно на краю пропасти. Второй раз нечто подобное произошло со мной, когда расстался БИТЛЗ. Я поехал в Шотландию и в течение многих дней только и делал, что пил... Я вытворял сумасбродные и глупые вещи, какие можно совершать только в такие моменты. Бедная Линда! Она пыталась мне помочь. И она меня поддерживала, так как она твердала, как скала. Тогда уже она сказала мне: «Не сходи с ума, это пройдет». Но я отвечал: «Нет! Я больше ничего не стою. Как я теперь, после всего, что было, посмотрю людям в глаза? Я всего лишь часть чего-то и все. Один, я не представляю никакого интереса...» Но Линда помогла мне выдержать удар судьбы. И дети тоже. Когда чувствую себя пропавшим и к тебе приходишь малыш со словами: «Папа, я тебя люблю», — это помогает невероятно...

Перевел с французского

Валерия ПЕБЕЦКОР

22